

УДК 811.161.1

DOI: 10.32342/2523-4463-2020-2-20-23

И.И. МЕНЬШИКОВ,
*доктор филологических наук,
профессор кафедры общего и славянского языкознания
Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара*

СИНТАКСИЧЕСКАЯ ОМОНИМИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ (ВАРИАТИВНОСТЬ И ПЕРЕРАЗЛОЖЕНИЕ)

Під омонімією в загальному випадку розуміється звуковий збіг різних мовних одиниць, значення яких не пов'язані один з одним, і таке семантичне відношення між словами може мати місце на всіх рівнях структури мови, але найбільше проблем з адекватним тлумаченням такого тексту виникає при насиченні його синтаксичними омонімами, конструкціями, побудованими за моделями, що формально збігаються в плані вираження при несумісності їх синтаксичного змісту, а відповідно і значення.

Неоднозначність змісту і його відповідності синтаксичній структурі того чи того висловлювання встановлювалася головним чином викладачами та студентами вищих навчальних закладів України при різному, але, як правило, зрозумілому особам, що володіють російською мовою, порядку слів, що так чи так відповідає здоровому глузду відповідного судження як зазначеного речення.

Як фактичний матеріал було використано найрізноманітніші повідомлення в різного роду публікаціях і усні висловлювання представників найрізноманітніших професій і з різних приводів. У тому числі і конструкції типу 1) *Надійшла скарга, що ваша собака ганяється за хлопчиком на велосипеді*; 2) *Вчора професор, що приїхав з Києва, не з'явився на заняття* (вчора приїхав або вчора не з'явився на заняття); 3) *Кіт вліз у вікно з кватиркою*; 4) *У нашому закладі діти можуть навчатися від 5 до 18 років*.

При синтаксичній омонімії семантична структура фрази далеко не завжди визначається тільки її синтаксичними параметрами, зокрема порядком слів і формальними ієрархічними відносинами між членами речення, і ми можемо зіткнутися не тільки з типовою ситуацією, коли зміна порядку слів у тому чи тому висловлюванні веде до зміни його змісту, а й із ситуацією, коли зміна лінійної структури речення істотно не змінює його семантичної структури.

Тому нам видається цілком можливим, а в ряді випадків і навіть необхідним вести мову про два різні прояви синтаксичної омонімії і відповідно про два, як мінімум, її типи при різних семантичних відносинах, які були кваліфіковані як такі нестандартні (позасистемні) синтаксичні зв'язки, як перерозкладання, якщо встановлюваний або фіксований комунікантами якийсь інший порядок слів не змінює по суті загального змісту повідомлення в цілому, або ж як варіативність, коли новий порядок слів може бути поставлений у відповідність зовсім іншому змісту.

Ключові слова: омонімія, синтаксична омонімія, асиметрія мовного знака, позасистемні синтаксичні зв'язки, перерозкладання, варіативність..

Под омонимией в общем случае понимается звуковое совпадение различных языковых единиц, значения которых не связаны друг с другом, и такое семантическое отношение между словами может иметь место на всех уровнях структуры языка, но больше всего проблем с адекватным толкованием такого текста возникает при насыщении его синтаксическими омонімами, конструкціями, побудованими по моделям, формально совпадающим в плане вираження при несовместимости их синтаксического содержания, а соответственно и значения.

Неоднозначность содержания и его соответствия синтаксической структуре того или иного высказывания устанавливалась главным образом преподавателями и студентами вузов Украины при различном, но, как правило, понятном лицам, владеющим русским языком, порядке слов, так или иначе отвечающем здравому смыслу соответствующего суждения как отмеченного предложения.

В качестве фактического материала были при этом использованы самые различные сообщения в разного рода публикациях и устные высказываниях представителей самых различных профессий и по разному поводу. В том числе и конструкции типа 1) *Поступила жалоба, что ваша собака гоняется за мальчиком на велосипеде*; 2) *Вчера приехавший из Киева профессор не явился на занятия* (вчера приехавший или вчера не явился на занятия); 3) *Кот влез в окно с форточкой*; 4) *В нашем учреждении дети могут обучаться от 5 до 18 лет*.

При синтаксической омонимии семантическая структура фразы далеко не всегда определяет только её синтаксическими параметрами, и в частности порядком слов и формальными иерархическими отношениями между членами предложения, и мы можем столкнуться не только с типичной ситуацией, когда изменение порядка слов в том или ином высказывании ведёт к изменению его смыслового содержания, но и с ситуацией, когда изменение линейной структуры предложения существенно не меняет его семантической структуры.

Поэтому нам представляется вполне возможным, а в ряде случаев и даже необходимым вести речь о двух разных проявлениях синтаксической омонимии и соответственно о двух, как минимум, разных семантических отношениях, которые были квалифицированы в качестве таких нестандартных (внесистемных) синтаксических связей, как переразложение, если устанавливаемый или фиксируемый коммуникантами какой-то иной порядок слов не меняет по сути общего содержания сообщения в целом, или же как вариативность, когда новый порядок слов может быть поставлен в соответствие совершенно иному содержанию.

Ключевые слова: омонимия, синтаксическая омонимия, асимметрия языкового знака, внесистемные синтаксические связи, переразложение, вариативность.

В общем случае под омонимией понимается звуковое совпадение различных языковых единиц, значения которых не связаны друг с другом [1, с. 344]. Такого рода семантическое отношение между словами может иметь место на всех уровнях структуры языка, но больше всего проблем с адекватным толкованием некоторого текста возникает, пожалуй, при насыщении его синтаксическими омонимами, в частности синтаксическими конструкциями, построенными по моделям, формально совпадающим в плане выражения при несовместимости смысла таких конструкций, их синтаксического содержания, а соответственно и значения, как, например, во фразе типа *Он эмигрировал в США из-за репрессий в России в конце шестидесятих годов*, где сказуемое *эмигрировал* может быть стержневым словом по смыслу и по нормам русской грамматики следующих обстоятельственных словосочетаний: 1) *эмигрировал из-за репрессий* (причина); 2) *эмигрировал в конце шестидесятих годов* (время); 3) *из-за репрессий в России* (место); 4) *из-за репрессий в конце шестидесятих годов* (время). В одном предложении может быть несколько конструкций с синтаксической омонимией, как и конструкций с любыми иными семантическими отношениями, и в каждом из приведенных словосочетаний свои грамматические параметры и свой смысл. При этом и сам факт несовместимости, а тем более неоднозначности соответствия синтаксической структуры и смысла той или иной конструкции не всегда очевиден и не всегда может быть однозначно установлен или даже вообще замечен, как, например, в таких стихах А.С. Пушкина: *И вскрикнул внезапно ужаленный князь* [2, с. 109] (*вскрикнул внезапно* или *ужаленный внезапно*); *Роняет лес багряный свой узор* [2, с. 273] (*багряный лес* или *багряный узор*); *Он из Германии туманной привёз ... кудри чёрные до плеч* [3, с. 38–39] (*кудри чёрные*, *кудри до плеч* или *чёрные до плеч*). Зафиксировать же этот факт, если лингвист хочет отметить соответствующее явление как наличие синтаксической омонимии, и разобраться в характере рассматриваемых семантических отношений он, как и любой субъект научного и лингвистического анализа текстов, по-видимому, должен.

Неоднозначность содержания и его соответствие синтаксической структуре того или иного высказывания устанавливалась нами и нашими респондентами, главным образом преподавателями и студентами вузов Украины, при различном, но, как правило, понятном лицам, владеющим русским языком, порядке слов, так или иначе отвечающем здравому смыслу и приемлемой логике вещей соответствующего суждения как **отмеченного** предложения, т. е. предложения, построенного, по О.С. Ахмановой, по правилам грамматики данного языка, соответствующего законам сочетаемости элементов, свойственным данному языку, и поэтому пригодного в качестве основы для трансформаций и других видов

лингвистического эксперимента [4, с. 299]. В качестве фактического материала были при этом использованы самые различные сообщения в разного рода публикациях и устные высказываниях представителей самых различных профессий и по разному поводу, т. е. такие, например, конструкции, как: 1) *Поступила жалоба, что ваша собака гоняется за мальчиком на велосипеде (гоняется на велосипеде или за мальчиком на велосипеде)*; 2) *Суд признал его виновным в ограблении квартиры на прошлой неделе (признал виновным в ограблении квартиры или признал виновным на прошлой неделе)*; 3) *Вчера приехавший из Киева профессор не явился на занятия (вчера приехавший или вчера не явился на занятия)*; 4) *Он подошёл к двери со сломанным замком (подошёл со сломанным замком или к двери со сломанным замком)*; 5) *Кот влез в окно с форточкой (влез с форточкой или в окно с форточкой)*; 6) *Она говорила, сердясь, что я бестолков и ничего не понял (говорила, что я бестолков и ничего не понял) или (сердясь, что я бестолков и ничего не понял)*; 7) *В нашем учреждении дети могут обучаться от 5 до 18 лет (продолжительность обучения или возрастные его сроки?)*.

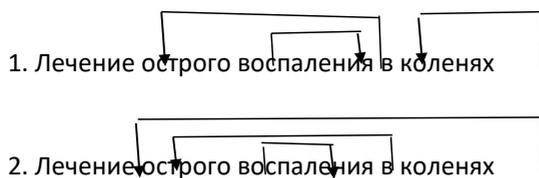
Содержание конструкций, квалифицируемых в качестве синтаксических омонимов, правда, далеко не всегда в полной мере отвечает реальной действительности, как это имеет место, например, в первом (*собака вряд ли может за кем-нибудь гоняться на велосипеде*), пятом (*форточка, могла быть, конечно же у окна, а не у кота в лапах*) и седьмом предложениях (речь, разумеется, идёт не о продолжительности обучения, а о том, с какого возраста оно начинается и до какого может быть продолжено), но формально эти и подобные им высказывания могут быть лицами, владеющими русским языком, квалифицированы как синтаксические единицы и в частности грамматические образования, являющиеся предложениями русского языка. В них характер синтаксической связи между словами соответствующих фраз прямо указывает на их общий смысл, а соответственно определяет и квалификацию этих слов в качестве тех или иных членов предложения. Однако при синтаксической омонимии семантическая структура фразы далеко не всегда определяется только её синтаксическими параметрами, и в частности порядком слов и формальными иерархическими отношениями между членами предложения (первые три примера), и мы можем столкнуться не только с типичной ситуацией, когда изменение порядка слов в том или ином высказывании ведёт к изменению его смыслового содержания, например: *Профессор, приехавший вчера из Киева, не явился на занятия* и *Приехавший из Киева профессор вчера не явился на занятия*, – но и с алогичной, реально не имеющей места ситуацией действительности, когда нарушено то, что принято называть логикой вещей или здравым смыслом, а изменение линейной структуры предложения существенно не меняет его семантической структуры и его общего смысла, как это имеет место во фразах типа *К нам приехали гости из Киева; Ему принесли бумаги на подпись; Мы продаём Ладу по цене завода; Ему дали медаль за храбрость; Он старался, как и раньше, получить всё сразу*, где порядок слов, а соответственно и система членов предложения (синтагматических классов) могут быть разным, и соответственно мы можем ожидать какие-то иные в подобного рода высказываниях иерархические отношения между членами предложения (*приехали из Киева* и *гости из Киева*; *принесли на подпись* и *бумаги на подпись*; *продаём по цене завода* и *Ладу по цене завода*; *медаль за храбрость* и *дали за храбрость*; *старался, как и раньше* и *получить, как и раньше* и т. п.), но речь в исходных и омонимичных им предложениях идёт по сути своей об одном и том же, явлении: о гостях из Киева, о подписании бумаг, о цене Лады, о медали за храбрость и т. п., и собственно план содержания в них остаётся по существу в отличие от предыдущей иллюстрации, в которой он прямо обусловлен планом выражения, когда говорилось, например, о профессоре, не явившемся на занятия. В подобного рода случаях, причём не только в предложениях, но и в отдельных конструкциях, скажем, в сложных словосочетаниях типа *лечение острого воспаления в коленях*, входящих в самые разнообразные отмеченные предложение (*Лечение острого воспаления в коленях было успешным* и т. п.), а также целый ряд других словесных образований самой различной степени осложнённости или сложности.

Разные виды омонимии могут быть содержательно противопоставлены и при попытке однозначной их квалификации в качестве того или иного синкретичного члена предложения, такого, например, как синтаксическая позиция компонентов предложно-именной

конструкции в только что рассмотренной иллюстрации, где имеет место синкретизм второстепенных членов предложения, поскольку их можно отнести к совершенно разным типам соответствующих лингвистических единиц, поставив разные логические вопросы к слову *лечение* и словосочетанию *лечение воспаления*: в чём? – в коленях; и где? – в коленях. Соответственно и квалификация этого члена предложения вполне возможна и в качестве дополнения, и в качестве обстоятельства места.

Синтаксические отношения слов *лечение* и *воспаление* с любыми другими компонентами рассматриваемого сложного словосочетания, в том числе и с такими, которые лишь в принципе могут им сопутствовать в каком-то ином контексте, будут очевидны, в чём мы можем убедиться, обратившись к грамматике деревьев зависимости и отметив, что лексема *дерево* как лингвистический термин квалифицируется в словаре О.С. Ахмановой как диаграмма, имеющая основной целью главным образом наглядное изображение синтаксических отношений между составляющими предложения [4, с. 128]. Отсюда, надо полагать, и такие широко употребляемые лингвистами образования, как *дерево зависимостей* и *грамматика деревьев зависимостей* в своеобразной их интерпретации, предложенной ещё в начале 80-х годов прошлого столетия С.Я. Фитиаловым [5, с. 100–114].

Вот фрагменты состава подлежащего приведенного дерева зависимостей только с двумя разными, но часто встречающимися вариантами маркировки синтаксических связей слов у прямого и косвенного дополнения, а соответственно и возникающей при этом синтаксической омонимии:

Два совершенно разных графа, количество которых может оказаться и значительно большим при включении в приведенную иллюстрацию каких-то дополнительных компонентов в виде тех или иных членов предложения. Например, только один дополнительный фрагмент такой конструкции в виде словосочетание «с учётом этого фактора», мы можем соотносить сразу с двумя, как минимум, синтаксическими омонимиями: *лечение с учётом этого фактора* и *воспаление с учётом этого фактора*, не говоря уже о более значительном расширении приведенного речевого образования. И нам хотелось бы сразу же отметить, что наши примеры реально иллюстрируют различные возможности грамматического построения одного и того же предложения, а соответственно и различное представление его синтаксической структуры, его материальной организации. Что же касается собственно плана выражения в подобного рода, как и во многих иных, ранее приведенных иллюстрациях с синтаксической омонимией, то здесь далеко не всё однозначно, и мы можем столкнуться как с довольно жёсткой обусловленностью сообщения его материальной организацией, так и с возможностью представления одного и того же смыслового содержания различными способами. Поэтому нам представляется вполне возможным, а в ряде случаев и даже необходимым вести речь о двух разных проявлениях синтаксической омонимии и соответственно о двух, как минимум, разных семантических отношениях в сфере синтаксической омонимии, которые в учебном пособии И.И. Меньшикова и И.С. Поповой [6, с. 61–62], а также в монографии И.С. Поповой [7, с. 263–264] были квалифицированы в качестве таких нестандартных (внесистемных) синтаксических связей, как **переразложение**, если устанавливаемый или фиксируемый коммуникантами какой-то иной порядок слов не меняет по сути общего смысла фразы и содержания сообщения в целом, или же как **вариативность**, когда новый порядок слов может быть поставлен в соответствие совершенно иному содержанию, как это имеет место в приведенном выше примере о профессоре, который опоздал на занятия.

Первый из этих терминов (переразложение), правда, в несколько ином значении, связанном с синтаксической омонимией, использует при описании активных процессов в русском синтаксисе Н.Ю. Шведова [8, с. 156], второй в качестве отдельной самостоятель-

ной лексемы зафиксирован в Большом толковом словаре украинского языка под редакцией В.Т. Бусела. На языке оригинала этот термин означает «наявність варіацій, можливості варіювання; варіантність» [9, с. 112], и указанное толкование этих терминов, особенно в той части, которая касается переразложения, в полной мере, по нашему мнению, согласуется, как это вполне убедительно, на наш взгляд, продемонстрировали А.Н. Гвоздев [10], Н.С. Валгина [11], Л.Н. Иорданская [12], И.С. Попова [7] и другие лингвисты, предложившие нормативные и достаточно продуктивные модели образования и употребления конструкций с синтаксической омонимией, включая при необходимости и соответствующую стилистическую маркировку как часто используемых, так и редко встречающихся слов, в том числе, надо полагать, и специальной лексики.

Синтаксическая омонимия, как и любые иные типы омонимов (лексические, морфологические, фонетические и др.), прямо обусловлена асимметрией в структуре языка, т. е. отступлением от упорядоченности, регулярности, единообразия в строении и функционировании языковых единиц, отражающих одну из основных особенностей плана выражения в естественном человеческом языке. Проявляется асимметрия в основном средстве человеческого общения, как это отмечено в Лингвистическом энциклопедическом словаре под редакцией В.Н. Ярцевой, в нарушении взаимнооднозначного соотношения означаемого и означающего [1, с. 47]. Но, если при этом под таким соотношением понимать, как это принято в математике, соотношение между элементами двух множеств, при котором каждому элементу первого множества соответствует один определённый элемент второго множества, а каждому элементу второго множества – один определённый элемент первого множества [13, с. 6], указанное соотношение даже при лексической омонимии (наиболее простой и часто встречающейся её разновидности) не может быть системным, а тем более – регулярным или обязательным, а соответственно и взаимнооднозначным, если рассматриваемые множества не уникальны и в каждом из них более, чем по одному элементу. Дело в том, что – и это, думается, одна из основных причин проявления асимметрии в языке – далеко не каждой лексеме, а тем более фразе можно поставить в соответствие, условно говоря, нормативный, стилистически и функционально приемлемый в данном языке омоним, как, впрочем, и синоним или любой иной вид семантических отношений слов. С другой же стороны, если мы квалифицируем ту или иную лингвистическую единицу в качестве омонима, и в частности омонима синтаксического, вполне естественно, по нашему мнению, прямо соотносить эту единицу с множеством лексем или синтаксических единиц, наполняющих соответствующий омонимический ряд. При этом мы должны сделать очень важное, как нам кажется, заключение: исходное множество, которое классифицировано в качестве совокупности первоначально заданных омонимов, как и любых иных лингвистических единиц, вступающих друг с другом в те или иные семантические отношения (полисемантов, синонимов, паронимов и т. п.), будет всегда менее мощным, чем множество тех конкретных омонимов, лексических или синтаксических, которое в принципе может быть поставлено в соответствие нашему исходному множеству, т.е. собственно омонимам или лингвистическим единицам, уже квалифицированным и функционирующим в качестве таковых в реальной речи, тем более если речь идёт о каких-то их классах, по какому бы принципу, по каким бы основаниям эти классы ни формировались.

Таким образом, взаимнооднозначное соответствие в системе синтаксических омонимов как некоего множества лингвистических единиц – это, как нам кажется, всего-навсего частный случай тех или иных семантических отношений между отдельными словами, в том числе и синтаксическими конструкциями, такой случай, который, по-видимому, должен быть противопоставлен реальной омонимии, когда, как это уже отмечалось, обязательно имеет место асимметрия плана содержания и плана выражения в языке и звуковое совпадение различных языковых единиц, значения которых непосредственно не связаны друг и другом [1, с. 47]. Вполне, на наш взгляд, логично при этом общее множество синтаксических омонимов в русском, как, по-видимому, и в любом другом языке, разбить, как минимум, на два формально противопоставленных друг другу лингвистически значимых подмножества, в одно из которых мы включаем собственно омонимы, а соответственно и синтаксические конструкции, обращение к которым ведёт к асимметрии плана содержания и плана выражения в речи (*книга рекордов Гиннеса; крем для*

мужчин с углём и ментолом; врач подошёл к пациенту на костылях; под деревом с плодами сидел мужчина; комиссия по борьбе с организованной преступностью при президенте страны; спасатели нашли двух альпинистов: одного удалось спасти, а второй умер от переохлаждения в больнице; часть города красивее Парижа; раскапывайте осторожно погребённых в земле слепых исполинов; детям нельзя лгать; катер первым подошёл к судну с нелегалами на борту; киллер расстрелял его на пороге собственного дома.

Во второе – слова, функционирующие в качестве омонимов, но таковыми в системе лексических единиц того или иного языка не являющиеся, поскольку представляют собой разновидности лексико-грамматических фигур уже на синтаксическом уровне с какой-то, по-видимому, определённой, заданной самим коммуникантом интенцией. Это, как правило, конструкции с переразложением, такие, в частности, как *новый препарат для женщин группы А; развязка той истории сразу после рекламы на НТИ; его наградили грамотой за отличную учёбу и примерное поведение* и т. п., в которых соответствующий синтаксический омоним, если всё же называть его омонимом, функционирует в тексте таким образом, что сохраняет основной смысл замещаемого им речевого образования, осмысливается в соответствии с принятыми в том или ином языке нормами и жёстко не связан с асимметрией языкового знака.

Первое из указанных подмножеств лингвистических фигур квалифицируется нами в качестве синтаксических полисемантов с переразложением связей между их компонентами, второе – в качестве многозначных синтаксических конструкций, или полисемантов, с вариативными связями слов. И оба этих подмножеств при квалификации характера семантических отношений между ними можно рассматривать как омонимию, но омонимию не лексическую, а функциональную, и в частности синтаксическую, проявляющую себя в различных словесных построениях коммуникативного уровня.

Список использованной литературы

1. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. – М.: Сов. энцикл., 1990. – 688 с.
2. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в десяти томах / А.С. Пушкин. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – Т. 2. – 463 с.
3. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в десяти томах / А.С. Пушкин. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – Т. 5. – 639 с.
4. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 608 с.
5. Фитиалов С.Я. О моделировании синтаксиса в структурной лингвистике / С.Я. Фитиалов // Проблемы структурной лингвистики. – М.: Изд-во АН СССР, 1982. – С. 100–114.
6. Меньшиков І.І. Синтаксичні зв'язки слів у сучасній українській літературній мові / І.І. Меньшиков, І.С. Попова. – Дніпропетровськ: РВВ ДДУ, 2001. – 90 с.
7. Попова І.С. Фундаментальні категорії українського синтаксису (одиниця, зв'язок, модель) / І.С. Попова. – Дніпропетровськ: Вид-во ДНУ, 2009. – 432 с.
8. Шведова Н.Ю. Активные процессы в современном русском синтаксисе (Словосочетание) / Н.Ю. Шведова. – М.: Просвещение, 1966. – 156 с.
9. Великий тлумачний словник сучасної української мови / уклад. і головн. ред. В.Т. Бусел. – Ірпінь: Перун, 2005. – 1728 с.
10. Гвоздев А.Н. Об одной проблеме стилистики / А.Н. Гвоздев // Очерки по стилистике русского языка. – М.: Просвещение, 1965. – С. 380–395.
11. Валгина Н.С. О двусторонней синтаксической связи в современном русском языке / Н.С. Валгина // РЯШ. – 1972. – № 5. – 416 с.
12. Иорданская Л.Н. Синтаксическая омонимия в русском языке (с точки зрения автоматического анализа и синтеза) / Л.П. Иорданская // Научно-техническая информация. – 1967. – № 5. – С. 9–17.
13. Большая советская энциклопедия: в 30 томах / гл. ред. А.М. Прохоров. – М.: Советская энциклопедия, 1971. – Т. 5. – 640 с.